

АНАЛИЗ ЛОГИЧЕСКИХ ТАКТИК СОЗДАНИЯ ИРОНИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И СОХРАНЕНИЕ ЕГО В ПЕРЕВОДЕ

ANALYSIS OF LOGICAL TACTICS FOR CREATING AN IRONIC EFFECT IN A FICTITIOUS TEXT AND PRESERVING IT IN TRANSLATION

*M. Saitgaziyeva
E. Korol*

Summary: This paper is devoted to the analysis of creating and perceiving irony in a fictitious text from a cognitive point of view; retaining its effect in translation. Based on the cognitive strategies classification for creating irony, the logical tactics used in the English-language novel are considered. The paper suggests cognitive analysis of humorous contexts built on the logical tactics and the ways of preserving them in translation. The paper considers the role of cognitive analysis of a fictitious text in its translation from English into Russian.

Keywords: irony, humor, cognitive strategies, logical tactics, translation.

Сайтгазиева Маликахон Шакаралиевна
Сургутский государственный университет
saitgaziyeva.malika@yandex.ru

Король Елена Витальевна
кандидат филологических наук, доцент, Сургутский
государственный университет
korol_ev@surgu.ru

Аннотация: Данная статья посвящена анализу создания и понимания иронии в художественном тексте с когнитивной точки зрения, и сохранения ее в переводе. На основе классификации когнитивной стратегии создания иронии рассматриваются логические тактики, используемые в англоязычном романе. Проводится когнитивный анализ юмористических контекстов, построенных на логических тактиках, и способов их сохранения в переводе. Рассматривается роль когнитивного анализа художественного текста при его переводе с английского языка на русский язык.

Ключевые слова: ирония, юмор, когнитивные стратегии, логические тактики, перевод.

Ирония, по своей природе, является довольно сложным феноменом как для лингвистического изучения, так и в психологическом плане; что предполагает рассмотрение такого многогранного явления не столько с традиционно языкового описания, сколько с привлечением новых методик анализа языковых явлений, разработанных в рамках когнитивного направления в лингвистике, которое фокусируется на изучении восприятия и категоризации человеком реалий окружающего мира посредством анализа семантики вербальных единиц. Ирония как раз и является одним из самых распространенных способов описания и отражения действительности в языке, предполагающее особое видение говорящего и воздействие на слушающего. Ироничность повествования неразрывно связана со словесной составляющей литературных произведений, она развивает «словесную ткань» литературы. В данном стиле художественно-речевые средства особенно отличаются своей разнородностью и многоплановостью [7, с.178].

Современное языкознание все чаще обращает внимание на взаимосвязь, которая существует между языком и мышлением, вытекающими из нее когнитивными процессами, которые влияют на порождение и восприятие языковых единиц. В процессе общения любому участнику коммуникации необходимо наличие различных типов знаний: на их основе говорящий может

составлять сообщения, в то время как слушающий – их понимать, – процессы, происходящие в мозгу коммуникантов. Эти типы знаний включают знания о мире, об участниках коммуникативного акта и их социальных ролях, и о не менее важном социальном контексте, при котором происходит коммуникация. Все знания подводятся под рубрику экстралингвистических, т.е. знаний, которые не связаны с определенным языком или каким-либо речевым явлением. Они накапливаются с жизненным опытом человека, практикой, и к ним относится также знание законов построения текста, поскольку при восприятии языкового произведения любого функционального стиля, между коммуникантами возникает важное взаимопонимание, обусловленное их способностью понимать тексты [9, с.277-278].

Лингвокогнитивные исследования представляют возможности естественного языка как ключа, способного открыть доступ к сознанию человека и входящим туда знаниям, к его видению мира и его концептосфере: к содержанию и структуре тех или иных концептов, представленных как единицы мыслительной деятельности. Одной из проблем, исследуемых когнитивной лингвистикой, является семантика языковых единиц, с помощью которых тот или иной концепт обретает форму и определяет свои границы в языке, т.е. вербализуется. При анализе значений единиц, объективирующих

концепты, для исследователей становится возможным достичь самого содержания концептов как мыслительных единиц, используемых художником слова; а также средств и способов вербализации различных концептов, которыми он распоряжается [8, с.304].

По мнению Ж.Е. Фомичевой, художественный текст является результатом ментальной деятельности писателя, создающий сложный продукт, вступающий во взаимодействие с концептосферой читателя, и его когнитивными процессами. Текст – явление процессуальное и динамичное, и рассматривается в когнитивной стилистике одновременно как процесс восприятия и порождения, т.к. с одной стороны он является видимым результатом речевой деятельности, а с другой – самим процессом создания этого самого текста. Автор закладывает в текст свои мысли и идеи с целью воздействия на читателя тем или иным образом. Исследователям необходимо правильно интерпретировать заложенный в тексте смысл, поэтому при анализе они прибегают к комбинированию традиционных для стилистики категорий с категориями когнитивной лингвистики, что позволяет выявить лингвистическую и общегуманитарную значимость текста [9, с. 284].

Целью данной статьи является анализ логических тактик когнитивной стратегии создания иронии в англоязычном тексте, и их сохранение в тексте перевода.

Художественный текст, даже при условии вымышленности сюжета, всегда опирается на реальные события окружающей человека жизни. Мысль автора, создающего текст, соотносит свое видение реальных объектов (образов, закрепленных в сознании) с языковыми единицами, которые он выбирает для описания и представления художественной действительности. Ироничность же иноязычного художественного текста может быть не всегда очевидна. Прежде всего, понятие “ирония” определяется как лингвистическое явление, где говорящий намеренно противопоставляет буквальное значение слова подразумеваемому, что может вызвать смех у людей своим несоответствием [2, с.16]. В то же время, иронию можно рассматривать не только со стороны стилистики, но также со стороны семантико-синтаксических отношений, т.е. со стороны отношений значения слов в том или ином контексте [1, с.62].

Для переводчика распознавание иронии в авторском тексте и ее сохранение дается не так просто. Здесь важны не только знание языка оригинала, но также фоновые знания о культуре людей, говорящих на этом языке, их традициях и особенностях мировосприятия. Именно такие экстралингвистические знания помогают переводчику полностью или частично понимать семантику иронии, что является первой задачей предстоящей работы над переводом. Вторая задача состоит в правильном

подборе способов сохранения и передачи иронии на другой язык: переводчику необходимо сохранить тонкий иронический оттенок таким образом, чтобы читатели смогли его уловить, и не потерять при этом авторское намерение, его отношение к ситуации описания.

При создании иронии используются стилистические средства всех уровней языка, однако смысл иронии читатели в полной мере распознают в контексте, «то есть в результате обращения к более широкому, вне его лежащему пространству» [4, с.59 60]. На основании когнитивного подхода к анализу художественного текста переводчик способен принимать переводческие решения и подбирать эквиваленты, опираясь не только на языковые, но и на экстралингвистические знания, накопленный когнитивный опыт, что способствует достижению более успешного результата перевода без значительных смысловых потерь [6, с.11].

Выявление когнитивных особенностей при анализе средств создания иронии, показало, что общим когнитивным основанием ее создания и понимания является наше знание о том, какие события и явления (в том числе языковые) сочетаются, а какие – противоречат друг другу. К.М. Шилихина считает, «что в основе вербальной и ситуативной иронии лежат общие когнитивные механизмы, в частности, наше умение распознавать нарушения смысловой целостности высказывания, текста или, шире, некоторого положения дел в действительности» [10, с.91]. Можно предположить о том, что распознавание и понимание иронии строится на основном когнитивном механизме: умение распознавать бессвязность событий или нарушения смысловой целостности.

С позиции когнитивной лингвистики понимание иронии – это «процесс создания динамической смысловой структуры, который может быть представлен как «сборка», в которой одинаково важными оказываются не только лингвистическое содержание высказывания, но и контекст коммуникации и имеющиеся у участников дискурса знания об окружающем мире» [10, с.13]. Во время этого процесса смысловые компоненты высказывания выстраиваются в семантически и прагматически целостную когнитивную структуру. Наличие скрытого смысла в высказывании заключается в отсутствии такой смысловой связности или несоответствие между высказыванием и описываемой ситуацией [10, с.13].

В настоящей работе предполагается рассмотрение когнитивной стратегии создания иронии (из трех предложенных К.М. Шилихиной – вербальной, когнитивной и риторической), включающей две тактики. При этой стратегии происходит обращение к имеющимся у читателей знаниям о мире и о том, что именно считается нормальным: ироничные высказывания вступают в противоречие с экспериенциальным знанием, пред-

ставляя ситуацию непривычным или комичным образом [10, с.123]. На основе предположения К.М. Шилихиной, когнитивную стратегию создания иронии можно разделить на две группы тактик: 1) логические, к которым относятся различные логические нарушения (нарушения причинно-следственных связей) и контраст пропозиций (логическое противоречие); 2) семантические: семантика высказываний не позволяет соотносить эти высказывания с реальным положением дел. К ним относятся: абсурд, противоречие здравому смыслу, правдоподобная ирония, намек, сравнение свойств [10, с.138-142]. В вышеперечисленных свойственно наличие скрытого (имплицитного) или явного (эксплицитного) сравнения реальной ситуации с некоторой социальной нормой или ожидаемым положением дел в действительности.

В качестве источника иронических контекстов выбран первый роман из серии «Дживс и Вустер» (*Jeeves and Wooster*) известного английского юмористического писателя П.Г. Вудхауса «*The Inimitable Jeeves*» и его перевод на русский язык А.Н. Балясникова «*Этот неподражаемый Дживс!*». Особенной чертой идиостиля П.Г. Вудхауса является конвергенция стилистических средств при создании иронии. Контексты, используемые автором, средства выразительности придают художественному тексту яркость и эмоциональность; выбор лексики носит национальный колорит, что может затруднять процесс перевода.

П.Г. Вудхаус при создании юмористического эффекта часто создает языковое описание, вступающее в противоречие с пониманием реальной действительности, что предполагает нарушение логической связи между денотатом и его вербальным представлением. Подобные логические нарушения, логическое противоречие между двумя пропозициями, или контраст пропозиций относится к логическим тактикам когнитивной стратегии создания иронии.

Лингвостилистический и когнитивно-семантический анализ произведения показал, что от общего числа выделенных иронических контекстов (286) количество использованных в романе тактик логических нарушений составляет 36 случаев (41,40%), а тактики логических противоречий – 51 случай (58,60%).

Рассмотрим сначала некоторые примеры логических нарушений в создании иронии, которые связаны с когерентностью описываемых событий, последовательностью повествования и логических заключений повествователя. Логические нарушения могут встречаться в отрезках текста с явно нарушенными причинно-следственными отношениями, возникающими на основе нелогичного (с точки зрения принятой нормы) поведения персонажа или неправильного умозаключения, построенного повествователем вследствие указанных в кон-

тексте фактов. Например: «*[Sir Roderick Glossop] was fairly tall and fairly broad, and he had the most enormous head, with practically no hair on it, which made it seem bigger and much more like the dome of St Paul's. I suppose he must have taken about a nine or something in hats. Shows what a rotten thing it is to let your brain develop too much*» [14].

В контексте повествователь настраивает читателя на то, что сэр Родерик Глоссоп – очень серьезный человек и специалист по нервным болезням. Автор использует гиперболу «*the most enormous head*», выставляя ее как очевидное доказательство его эрудированности, что уже искажает общее представление об умных людях. Ирония строится на замечании главного героя о размере головы сэра Родерика и причине таких невероятных размеров. Здесь, для корректного восприятия ироничности повествования наблюдается опора на знание данных о Лондонском соборе с самым большим куполом (реалия), что создает эмотивность описания в комплексе со стилистическими повторами и коннотацией прилагательных. В том случае, если читатель не имеет информации о названном соборе, он все же способен понимать данное карикатурное и отчасти абсурдное сравнение, поскольку в его опыте есть некое представление о куполе церкви или собора. Карикатурное описание персонажа дополняется предположением главного героя о том, какой размер шляпы соответствует такой голове («*a nine or something in hats*»). Для британской культуры самым максимальным размером шляпы является 8 (65 см/25,6 дюймов). Девятый размер не существует, что создает гиперболизированную оценку этой части тела человека, которая завершается заключением повествователя: «*Shows what a rotten thing it is to let your brain develop too much*» [14]. Данное заключение противоречит логике, поскольку количество прочитанных книг или степень эрудированности на внешний вид головы не влияет.

Рассмотрим перевод, предложенный А.Н. Балясниковым: «*Роста он высокого, сложения массивного, но больше всего поражает его огромная голова, фактически лишенная растительности, отчего она выглядит еще огромней и походит на купол собора Святого Павла. Думаю, он носил шляпу девятого размера, не меньше. Это доказывает, что слишком развивать свои мозги опасно.*» [3]

Как видно из текста перевода (ПТ), переводчик сохранил языковые элементы исходного текста (ИТ), выполняющие роль создания иронического эффекта, основанного на логическом нарушении. Более того, для сохранения стиля повествования была использована инверсия (*роста высокого, сложения массивного*) для создания эмотивности, которая в оригинале создается повтором атрибутивного усилителя, для гиперболизации замечания по поводу отсутствия волос – замена части речи (*лишенная*) и генерализация (*растительности*), а по поводу размера головы – добавление, подчеркиваю-

щее значительный размер шляпы для такой головы (*не меньше*). Однако переводчик сохраняет англоязычные реалии (собор Святого Павла и девятый размер шляпы), не преобразая или адаптируя их для русскоязычных читателей, что немного нарушает понимание уровня преувеличения. Для избежания таких недочетов мы предлагаем следующее: 1) добавить прилагательное в превосходной степени к описанию купола для сохранения гиперболизированного сравнения: *самый крупный купол собора Святого Павла*; 2) заменить девятый размер шляпы на принятую среди носителей русского языка номенклатуру (размеры соответствуют сантиметрам размера головы, а 65 размер – самый максимальный): ... *носил шляпу семидесятого размера, не меньше*. Тем не менее за счет сохранения стилистики и семантики языковых единиц, прочие элементы контекста по-прежнему помогают читателям проследить здесь иронию.

Следует обратить внимание на лексику *rotten*, которой в переводе соответствует единица *опасно*. Такое решение вполне обосновано, поскольку, если обратиться к значению слова *rotten*, то можно увидеть следующее: 1. *having rotted*; 2. *morally corrupt*; 3. *extremely unpleasant or inferior*; 4. *very uncomfortable*; 5. *of very poor quality* [12]. Все словарные дефиниции имеют усиленную коннотацию отрицательного отношения. Предлагаемое в качестве перевода на русский язык значение – это *гнилой*, что не соответствует коллокативности, поскольку в русскоязычном толковом словаре *гнилой* в прямом смысле означает «*испорченный гниением, затхлый; сырой, несущий болезни*», а в переносном – «*не имеющий внутреннего стержня, аморальный*» [5, с.212]. Семантика слова *гнилой* не соотносится с ситуацией в романе, а единица *опасный* – «*способный вызвать, причинить какой-н. вред, несчастье*» [5, с.685] вполне соотносится с 3 и 4 семами *rotten*. Переводческое решение оправдано, хоть и наблюдается некоторая потеря эмотивности, которая компенсируется конкретизацией лексики *shows* единицей, *доказывает*, что усиливает достоверность ошибочного предположения героя.

В романе также встречаются логические нарушения, основанные на жизненном опыте, с которым мог бы столкнуться каждый. Один из выделенных отрезков ироничного контекста как раз демонстрирует описание такого случая. Рассмотрим следующий контекст: «*My experience is that the less you want a fellow, the more punctual he's bound to be...*» [14].

Единица *experience* ((*the process of getting*) *knowledge or skill from doing, seeing, or feeling things; the knowledge and skill that you have gained through doing something for a period of time* [11, 13]) указывает на то, что главный герой с таким сталкивался уже не раз, что и составило основу его жизненного опыта, неприятность которого подчеркивается эфматической синтаксической структурой (*the*

less... the more...). И, исходя из этого опыта, он пришел к выводу о пунктуальности гостей, которых меньше всего желает видеть. Лишенное логической связи ироничное правило (нежелательный гость и его пунктуальность) встречается и в реальной жизни. Автор приписывает всеобщий опыт к опыту его персонажа, тем самым обеспечивая читателей эмоциями, возникающими как реакция на ироничную ситуацию. В переводе это парадоксальное соответствие сохраняется: «*По своему опыту могу вам сказать: чем меньше вы жаждете видеть гостя, тем он пунктуальнее.*» [3]

В первую очередь следует отметить, что переводчик разделил предложение из ИТ и сделал эту часть отдельным предложением. Единица *experience* была сохранена в своем значении в ПТ с добавлением *могу вам сказать*, с помощью которого сохраняется особенность повествования романа с обращением к читателю. Глагол *жаждете* имеет помету «высокого стиля» и означает «*сильно желать*» [5, с.292], а фраза *bound to be* опущена: все это вместе минимизирует размер предложения и усиливает эффект ироничности, построенной на поведении гостя, которого меньше всего имелось желание видеть.

Теперь рассмотрим, как второй тип когнитивной тактики – логическое противоречие, – которое предполагает несоответствие или даже несовместимость двух пропозиций, их контраст. При таком противоречии возникает несоответствие двух утверждаемых высказываний, которое при определенном контексте может стать сигналом иронии. В романе логическое противоречие также строится на основе опыта, который мог бы пережить читатель в реальной жизни, что создает возможность проецировать происходящее на себя и сочувствовать рассказчику; не редким также является использование ситуаций, связанных с привычками и поведением людей. Такое логически противоречивое высказывание можно встретить в следующем отрезке: «*We Woosters do not lightly forget. At least, we do – some things – appointments, and people's birthdays, and letters to post, and all that – but not an absolutely bally insult like the above*» [14].

В данном случае ирония формируется противопоставлением ожидаемой обыденной ситуации – «*Woosters do not lightly forget*», подразумевающей хорошую память персонажей, и всеми случаями, когда они все же о чем-то забывают («*appointments, and people's birthdays, and letters to post, and all that*», т.е. многое, кроме оскорблений). Это противопоставление и вызывает противоречивость высказывания, что порождает его ироничность.

Проанализируем отрезок соответствующего ПТ: «*Мы, Вустеры, не из забывчивых. Вернее, мы легко забываем назначенные встречи, дни рождения, забываем отправить письма, и все такое, но не такие вопиющие оскорбления.*» [3]

Все части, являющие неотъемлемыми для создания иронии, основанной на логическом противоречии о памяти и злопамятности, были переданы в ПТ следующими переводческими трансформациями: замена частей речи (*не из забывчивых*), опущение (*like the above*) и добавления. Стоит обратить внимание на передачу единицы *bally* в ПТ, которая в словаре толкуется следующим образом: *used as an intensive* [12]. Поскольку это эмотивный усилитель, он компенсируется определением *вопиющие*, т.е. «вызывающий крайнее возмущение, совершенно недопустимый» [5, с.156], что передает смысл, и сохраняет эмотивность высказывания.

Рассмотрим еще один пример с опорой на жизненный опыт читателя: «*You are very young to have accomplished so much!*»

I couldn't follow the train of thought. The family, especially my Aunt Agatha, who has savaged me incessantly from childhood up, have always rather made a point of the fact that mine is a wasted life, and that, since I won the prize at my first school for the best collection of wild flowers made during the summer holidays, I haven't done a dam' thing to land me on the nation's scroll of fame» [14].

Ирония в приведенном выше примере заключается в том, что Берти хвалят за его достижения, что абсолютно противоречит мнению его семьи. Из эпитета *a wasted life* аутентичные толковые словари предлагают следующее определение *wasted*: 1) *...that is not used effectively because it does not produce the result you wanted* [11]; 2) *unsuccessful because it does not produce the result you wanted* [13]. Также невысокое мнение семьи о Берти передается через характеристику его заслуг *a dam' thing*, которая вступает в антитезу с *nation's scroll of fame*. Резкий контраст позиций, основанный на достижениях главного героя, и семейного отношения вызывает диссонанс. Рассмотрим перевод вышеописанного контекста:

«– Вы так молоды и уже столько успели сделать!»

Я был совершенно сбит с толку. У нас в семье это в первую очередь относится к тете Агате, которая жучит меня с самого рождения, принято считать, что я полный ноль, впустую растративший жизнь, и что с тех пор, как в первом классе я получил приз за лучший

гербарий полевых цветов, я не сделал ничего, чтобы вписать свое имя на скрижали славы.» [3]

В ПТ наблюдается смысловое развитие контекста: я *полный ноль, впустую растративший жизнь*; а опущение сниженной единицы *dam'* смягчило характеристику, и компенсировалось за счет смыслового развития в словосочетании *полный ноль*. В ПТ сохранился как эффект ироничности, который был построен на логическом противоречии, так и авторский стиль.

Логические тактики когнитивной стратегии создания иронии в романе строятся на правдивых ситуациях, которые могут происходить в реальной жизни. Вследствие этого читателям легче заметить иронию в высказываниях при определенных ситуациях, поскольку они строятся на нарушениях логической последовательности, которые могут противоречить фоновым знаниям и опыту читателей. Автору удается достичь понимания читателями ироничности описываемых ситуаций при помощи построения логических нарушений и противоречий в тех или иных высказываниях, поскольку происходит столкновение уже имеющихся у читателей знаний с событиями, несоответствующими этим знаниям.

Для того, чтобы правильно перевести иронию и сохранить создающие ее смысловые элементы, следуя логическим тактикам когнитивной стратегии, переводчик должен опираться не только на языковую составляющую иронии оригинала, но также и на свои знания и опыт, чтобы осознать логику соответствия или противоречия, поскольку иронический эффект текста строится на соотношении вербального представления ситуации и ее понимания через жизненный опыт. Помимо этого, переводчик должен учитывать логику приятия ситуации целевой аудиторией перевода, чтобы избежать недопонимания из-за различий в культурных реалиях. Такую возможность обеспечивает когнитивный анализ художественного текста и языковых элементов ироничных контекстов: переводчик глубоко проникает в структуру произведения и выявляет авторскую интенцию, которую позже он может сохранить в переводе, не нарушая функционально-стилистические и семантические характеристики оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баханович А.С. Ирония как феномен «языковой игры»: когнитивно-прагматический аспект (на материале белорусских и англоязычных авторских сказок и пересказов греческих мифов) / А.С. Баханович – Текст: электронный // Russian Linguistic Bulletin. 2021. №1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-fenomen-yazykovoy-igry-kognitivno-pragmaticheskiy-aspekt-na-materiale-belorusskikh-i-angloyazychnyh-avtorskikh-skazok-i> (дата обращения: 17.10.2024).
2. Воробьева К.А. «Авторская ирония» и «Ирония от персонажей» в рассказах О. Генри // Вестник ЧелГУ. 2008. №26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-ironiya-i-ironiya-ot-personazhey-v-rasskazah-o-genri> (дата обращения: 02.10.2024).
3. Вудхаус П.Г. Этот неподражаемый Джив! [роман] / Вудхаус Пелам Гренвилл; [перевод с английского А. Н. Балясникова]. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 320 с.
4. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.

5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — Москва: Мир и Образование, 2019. — 1376 с. (дата обращения: 20.10.2024 — 31.10.2024).
6. Ремхе И.Н. Переводческий процесс в аспекте когнитивного моделирования: монография / И.Н. Ремхе. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. — 144 с.
7. Рожнова Е.А. Художественный стиль и его особенности / Е.А. Рожнова // Альманах современной науки и образования. — 2008. — № 2—1. — С. 178—179.
8. Скидан О.Г. О когнитивно-стилистическом подходе к анализу художественного текста // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: языковая личность. Текст. Дискурс: сборник статей VI международной научной конференции (Кемерово — Ялта, 25—27 сентября 2016). Кемерово — Ялта: Кемеровский государственный университет, 2016. С. 304—309.
9. Фомичева Ж.Е. О когнитивно-стилистическом подходе к анализу современного англоязычного литературно-художественного дискурса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 277—287.
10. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 399 с.
11. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Online dictionary. Cambridge University Press. — 1534 — [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.10.2024 — 31.10.2024).
12. Dictionary by Merriam-Webster: America's most-trusted online dictionary — 1999. — 8 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 20.10.2024 — 31.10.2024).
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Online dictionary. / Oxford Learner's Dictionaries | Find definitions, translations, and grammar explanations at Oxford Learner's Dictionaries — 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 20.10.2024 — 31.10.2024).
14. Wodehouse P.G. The Inimitable Jeeves. London: Vintage, 2019. 228 p.

© Саитгазиева Маликахон Шакаралиевна (saitgazieva.malika@yandex.ru), Король Елена Витальевна (korol_ev@surgu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»